

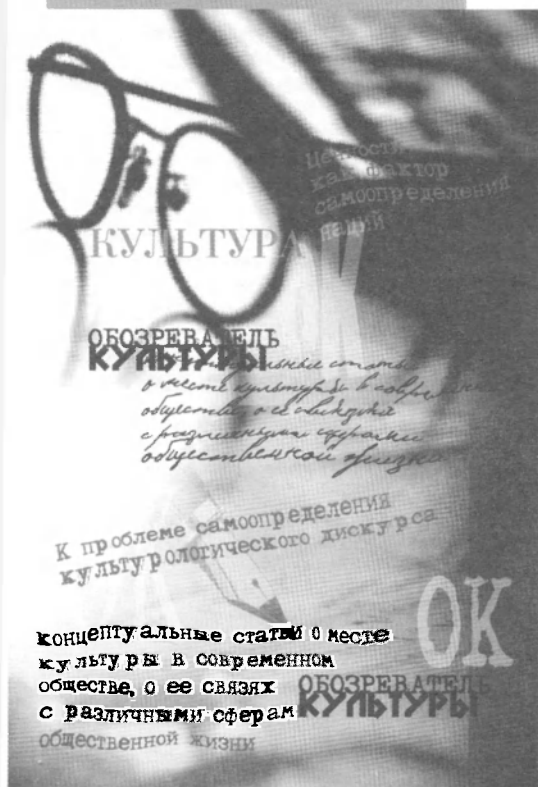
В.М. ДИАНОВА

К ПРОБЛЕМЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Рассматриваются теоретические подходы к уяснению возможностей становления научного дискурса. Отмечены процессы продуктивного взаимодействия, интерференции и интеграции гуманитарного знания. В контексте европейской культуры прослеживаются некоторые особенности формирования культурологического дискурса.

Ключевые слова: междисциплинарность, философия, культурология, иерархия знания, модерн, постмодерн, дискурсивные практики, интегративность.

Почему культурология как наука не возникла раньше? Ведь культура как многомерное явление была, и были идеи, мнения и знание о конкретных ее составляющих, а вот собственно культурологического дискурса не было. По мере развития гуманитарного знания сложились дискурсы, которые взяли на себя заботу о культуре, причем не о культуре в целом, а о культуре, рассматриваемой сегодня в качестве системы, элементами которой являются философия, религия, литература, политика, экономика, искусство и пр. Эта дифференциация не является ни абсолютной, ни прочной, ни постоянной. Только со времени легитимации культурологии как самостоятельной науки и дисциплины можно говорить о существовании соответствующего ей дискурса.

КОНТЕКСТ

Чтобы принадлежать определенной дисциплине, высказывание должно вписываться в соответствующий тип теоретического горизонта, поскольку внутри своих границ каждая дисциплина предполагает принципы, обладающие функциями ограничения и принуждения, признает истинные изложенные высказывания и ложные. «Дисциплина — это принцип контроля над производством дискурса. Она устанавливает для него границы» [1, с. 69]. Что же можно назвать культурологическим высказыванием? В качестве ответа на этот вопрос приведем еще один пример из М. Фуко, где он рассуждает по поводу ботаники: «Чтобы некоторое высказывание было “ботаническим”, нужно было, чтобы оно касалось видимой структуры растений».

Итак, согласно Фуко, «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности» [1, с. 51]. Этот контроль осуществляется при помощи процедуры *исключения*. Среди способов (систем) исключения Фуко выделяет следующее: *запрет, разделение и отбрасывание, оппозиция истинного и ложного* [1, с. 59]. Существуют и другие процедуры контроля и ограничения дискурса. Некоторые из них действуют скорее в качестве принципов классификации или комментария.

Историческое становление культурологии стало реакцией на возникшие в западной культуре проблемы. Если мы окинем ретроспективным взглядом этот процесс, станет понятным, что границы ее предмета, способы построения теории, ее методология и эпистемология — все это обусловлено пределами того плавильного котла, из которого она появилась на свет. Отметим некоторые стороны этого процесса.

При пристальном изучении научного наследия и фактов из жизни основоположников культурологии обнаруживаются не только вполне аргументированные позиции, но и любопытные подробности, свидетельствующие об имеющей место полемике и конфронтации между их идеями и мнениями представителей других гуманитарных дисциплин.

Это может быть вызвано схожестью подходов, методов, категориального аппарата, а в некоторых случаях и адекватностью предмета исследования. Более всего это касается самоопределения дисциплинарных полей философии и культурологии. И это вполне объяснимо, ибо культурологическую мысль отличает особое поле исследования: включение в свой арсенал эмпирических фактов, использование не только рационального мышления, но и других форм когнитивной деятельности, интерес к изучению профанного, обыденного и целый ряд других качеств. И если сегодня в среде культурологов такая манера философствования и интерпретации фактов становится вполне легитимной, то в былые времена, когда эта сфера гуманитарного знания еще не обрела самостоятельного статуса, она была весьма проблематичной. Культуроло-

гическая мысль казалась «периферийной», а идеи, как правило, не востребованными. Их «периферийность» лишь более отчетливо оттеняла кардинальные идеи ведущих и признанных философов того времени, способствующих созданию, обоснованию и упрочению основополагающих парадигмальных констант. Среди последних можно назвать всепроникающие идеи рационализма, прогресса, порядка, стремление к абсолютной истине и др., т. е. как раз то, что подвергалось известной корректировке или же получало иную трактовку в набирающем силу культурологическом дискурсе.

Мысли или представления о культуре, появление которых можно датировать временем возникновения собственно человеческой деятельности по возделыванию окружающего мира и себя, — это еще не культурологический дискурс. Культурологическая рефлексия оформилась в культурологический дискурс в трудах тех мыслителей прошлого, сочинения которых не были отнесены к ряду легитимных дискурсов, сложившихся в европейской культуре Нового времени.

Все большая дифференциация наук и их иерархизация выдвинула в гуманитарных науках в качестве лидирующей философию и, соответственно, философский дискурс (точнее, рационалистический, так как именно рационалистическая философия доминировала в культуре Нового времени) оказался той лакмусовой бумажкой, которая позволяла определять степень соответствия всех тех гуманитарных высказываний, которые возникали в то время.

Одна из центральных проблем современной культурологии — обоснование возможности интегративного знания. К числу мыслителей, способствующих упрочению такого подхода, можно отнести итальянца Дж. Вико, с которого, собственно, и начинается становление культурологического знания. В его наследии обнаруживается целый ряд идей, которые сегодня оказываются вполне актуальными: идея создания «новой науки» в содружестве философии и филологии; своеобразная трактовка истины, провозглашающая обратимость истины и факта (*Verum et factum convertuntur*); обоснование цикличности в культуре, самоценность ненаучного знания и некоторые другие. Основной пафос излагаемых Вико идей был направлен против несостоятельности многих положений картезианства, как в сфере научного метода, так и в сфере философии. Вико возражал против неуместного рвения к естественным наукам, следствием чего стало небрежение законов человеческого поведения, страстей, их преломления в гражданской жизни, свойств пороков и добродетелей, типов рациональности и пр. Отличает Вико от приверженцев картезианства и его отношение к прошлому, которое он склонен изучать, а не отбрасывать, чтобы, выявив закономерности в минувшем, увидеть их проявление в настоящем и тем самым предвидеть в будущем.

Вико утверждал, что новое знание складывается не в результате отказа от прошлого, а через критическое переосмысление традиции. При этом обществом движет не «чистый разум», а простонародная мудрость, которая содержит в себе целый спектр составляющих: воображе-

ние, фантазию, поэтичность, ценимых им весьма высоко, в то время как картезианство все, что не укладывалось в рамки дедуктивно-аналитической модели знания, расценивало как «заблуждения».

Другим иллюстративным примером дистанцирования рационалистической философии и культурологической мысли может быть фигура И.Г. Гердера, творческое наследие которого рассматривают как соотносимое с основополагающими идеями эпохи Просвещения, но в то же время, как в некоторой степени им противостоящее. Здесь имело место непонимание творческой манеры ученого и его исследовательского метода со стороны философов рационалистической направленности. Так, весьма сложными были взаимоотношения Гердера с Фихте и Кантом. Последний, напомним, резко оценил некоторые взгляды И.Г. Гердера, изложенные в «Идеях к философии истории человечества», осудив при этом эмоциональную манеру изложения и явный приоритет эмпирии при выведении общих суждений. Сегодня мы бы сказали, что Кант комментировал тексты Гердера с позиций легитимного философского дискурса.

Таким образом, еще задолго до эпохи романтизма, открыто выступившей против гипертрофии рационализма во всех сферах духовной жизни, в западноевропейской культуре возникло противостояние основным тенденциям рационалистической философии, локализовавшееся в сфере тех учений, которые сегодня составляют историю культурологии. Можно расценить этот факт не как параллелизм, сложившийся в начале Нового времени между рационалистической философией и формирующимися в то время первыми культурологическими концепциями, а как феномен интерференции. Суть этого феномена в том, что происходит не только взаимовлияние и сопоставление, но и взаимоподавление, вызываемое конкурирующими информационными потоками. Эти процессы, происходящие с разной степенью интенсивности на протяжении всего периода существования европейской культуры, очевидно, способствуют самоопределению и укреплению каждой из сторон.

Явное размежевание классической парадигмы философствования и неклассической начинается лишь с формированием романтизма. Романтики в сфере теоретических изысканий, но главным образом в области художественного творчества, поставили ряд проблем, повернувших гуманитарную мысль к иному видению мира, которое стремилось охватить мир целостно, полнокровно, в отличие от явно обедненного и неполного рационального его толкования. Тем самым, они заявили о себе как о подлинных теоретиках культуры и, заметим, провозвестниках нового мироощущения.

Вслед за романтиками Шопенгауэр подверг критике рационалистическую философию, однако его можно рассматривать как некую пограничную фигуру, исходившую, в некоторой степени, из отдельных положений философии Канта, Платона, а также восточных философий. И только Ницше предложил по-новому рассматривать человеческие ценности, отверг рационалистическое толкование истины,

понятие прогресса, показал несовершенство современной ему культуры, обозначил проблему формирования иного человека и иной культуры мышления. Он использовал другую манеру письма, кардинально отличную от той, которая была принята классической философией, манеру, сближающую его с афористичностью и лаконичностью Гераклита, тем самым расширив поле ассоциаций и интерпретации своих текстов. Эти и многие другие новации Ницше поставили его в оппозицию по отношению к классической философии и, соответственно, отнесли его в область постнеклассической философии, которая оказалась чрезвычайно близка культурологической мысли. В. Дильтей, О. Шпенглер, В.В. Розанов, М. Фуко, Ж. Делёз, И.М. Валлерстайн — кто они: философы или культурологи?

Известно, что любое философствование исторично в том смысле, что оно связано множеством нитей с эпохой, культурой, социумом, в котором оно осуществляется. Особенности гуманитарного мышления некоторых культур не отвечают тем параметрам, которыми измеряется то, что в западной традиции принято называть философией. Кроме того, в последнее время философское знание претерпело значительные трансформации. Сегодня мы говорим о смене типов рациональности, об уходе философии от онтологической проблематики и сближении ее с реальными проблемами социума. Определяя вектор дрейфа философского дискурса, мы склонны расценивать его как движение в сторону культурологического дискурса. Этот последний все еще находится в состоянии своего формирования, потому имеет нечеткие очертания, вбирая в себя дискурсивные практики многих смежных наук.

Прогнозируя развитие философского знания, многие мыслители убеждены в том, что философия в будущем не будет расцениваться как наука, ибо современный идеал научности предполагает деперсонализацию знания. Философия будет антропологической, и в этом плане ее сближение с культурологией становится все более очевидным. В то же время развивающаяся культурология все более обрастает необходимым категориальным аппаратом и овладевает методологией исследования сопредельных дисциплин, возникают новые ее дисциплинарные области, например взаимодействие культуры и познавательных процессов. Очевиден дрейф к научности. И это неудивительно: тенденция к междисциплинарности — черта современного знания. Культурология — бесспорно философская наука — интегрирует в себе, помимо философии, опыт и многих других смежных областей знания. В связи с этим заметим, что стремление разделить философский и культурологический дискурс, как впрочем и четко дифференцировать все другие гуманитарные дискурсы — остаточный синдром эпохи модерна.

Сегодня реальная интеллектуальная жизнь и фактические научные тексты свидетельствуют о размытости дисциплинарных полей. В сложившемся теоретическом дискурсе трудно, а порой и незачем, разграничивать отдельные дисциплинарные дискурсы, поскольку они представляют собой своего рода давление и что-то вроде принудительного действия. По сути дискурсы являются

не более чем игрой. Ансамбли дискурсов — религиозных, юридических, философских, политических, искусствоведческих — это прерывные практики, которые перекрещиваются, иногда соседствуют друг с другом, но также и игнорируют или исключают друг друга.

Этот феномен нынешней жизни как черта постмодернистской эпохи был отмечен американским литературным критиком Фр. Джеймисоном: «Сегодня мы все в большей мере имеем некий род письма, называемого просто “теорией”, которая представляет собой все дисциплины сразу и ни одну из них в отдельности. Этот новый тип дискурса, обычно связываемый с Францией и так называемым постструктурализмом (French theory), становится очень распространенным и означает конец философии как таковой. Можно ли, например, назвать деятельность Мишеля Фуко философией, историей, социальной теорией или политической наукой?

Этот вопрос является неразрешимым; и я утверждаю, что подобный “теоретический дискурс” также можно причислить к манифестациям постмодерна» [2, с. 63].

В ракурсе этих идей культурология, конституировавшаяся в качестве самостоятельной науки и дисциплины в эпоху постмодерна, неизбежно становится носителем постмодернистских черт. При этом свойственный ей дискурс характеризует становление нового типа знания, главная черта которого — интегративность.

Список литературы

1. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. — М.: Касталь, 1996.
2. Джеймисон Фр. Постмодернизм и общество потребления // Логос. — 2000. — № 4.